

блез

ПАСКАЛЬ

МЫСЛИ

с комментариями и объяснениями
Натали Плужниковой

Истина меняется
со сменой людей

кто не видит суетности
мира, сам суетен

мы не живем, но лишь
собираемся жить

страсти человеческие
порождают
множество красот

Блез Паскаль
Наталья Плужникова
Мысли. С комментариями
и объяснениями
Серия «Философия на пальцах»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53438241

Мысли. С комментариями и объяснениями: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119273-0

Аннотация

Французский философ и ученый Блез Паскаль являлся одним из основателей математического анализа и теории вероятностей, а также блестящим литератором. Будучи глубоко верующим человеком, Паскаль обладал острым аналитическим умом, был сторонником течения янсенизма в католицизме. Постоянные размышления о проблемах религии привели его к созданию множества фрагментов сочинения, получившего позднее название «Мысли». Этот труд стал классикой французской литературы. Он представляет собой глубокие философские размышления о природе мира, месте Бога в жизни человека, смысле бытия. Афористичный стиль, краткость

определений и ясность изложения сделали это произведение всемирно известным, и интерес к нему не ослабевает до сих пор.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Ученый христианин	6
Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника Палаты сборов в Клермоне	19
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Блез Паскаль

Мысли. С комментариями и объяснениями

© Н.Н. Плужникова, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2020

© Ю.А. Гинзбург (наследники), перевод с французского, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Ученый христианин

Известный немецкий мыслитель Мартин Хайдеггер считал философствование отчаянным способом разума вопрошать об истине бытия. Не исключение из этого и философия Блеза Паскаля, чьи труды, равно как и судьба, явили собой особый экзистенциальный опыт исследования человека и Бога.

Паскаль родился в 1623 году в Клермон-Ферране – небольшом городке Оверни, в одной из провинций Франции. Его семья относилась к старинному дворянскому роду. Отец ученого – Этьен был сыном казначея Мартина Паскаля и служил высокопоставленным чиновником.

О детстве Блеза известно из воспоминаний его родственников – старшей сестры Жильберты и ее дочери Маргариты. Родители Паскаля были просвещенными людьми и правоверными католиками. Когда будущему мыслителю исполнилось три года, скончалась его мать Антуанетта. Этьен Паскаль взял воспитание сына и двух дочерей на себя. Блез был болезненным ребенком и часто хворал.

Отец будущего философа заботился не только о здоровье, но и о развитии детей. Он принял решение переехать из Клермона в Париж. Этот шаг был вполне оправданным, поскольку тогда Париж представлял собой один из мощных центров развития европейской науки, особенно геометрии и

математики. Сам Этьен Паскаль являлся весьма образованным человеком и даже ученым. Хорошо знал историю, философию, литературу. Но особенно его интересовали физика, математика (область дифференциальных и интегральных исчислений) и геометрия. Следует сказать, что тогда последней в научных кругах отдавалось особое предпочтение. Она считалась основой любой науки, помогающей познать мир верно и в его целостности. Истинно то, что может быть доказано, – так звучал основной постулат геометрии тех времен, из которого выводились постулаты всех остальных наук.

В 1631 году Паскали переезжают в Париж. Здесь отец Блеза устраивается работать в налоговую службу и одновременно начинает интенсивно заниматься образованием сына. В первую очередь старается привить ему любовь к латинскому и греческому языкам, считая, что их изучение больше соответствует возрасту мальчика, чем такие сложные точные науки как математика и геометрия.

Сам Этьен Паскаль оставил после себя несколько работ по геометрии, а его имя в истории математики связано с открытой им алгебраической кривой четвертого порядка – так называемой улиткой Паскаля. Занимаясь научными трудами в Париже, отец философа завязал отношения со всеми известными во Франции математиками. В дом Паскалей начали приходить ученые, с которыми он вел долгие вечерние научные дискуссии. Разговоры и споры слушал маленький Паскаль, они пробуждали в нем тягу к знаниям.

Блез с детства не интересовался ни обществом сверстников, ни детскими играми. Почти все свободное время он проводил за чтением книг. Будущий философ с четырех лет читал и писал, с легкостью производил в уме сложные вычисления. Он рос вспыльчивым, нетерпеливым, однако очень усидчивым ребенком. Наблюдая за тем, как отец занимается математикой, Паскаль просил его обучить себя этой науке. Но тот из-за проблем со здоровьем, которые с детства мучили сына, пытался оградить Блеза от подобного рода занятий. Он запрещал мальчику интересоваться геометрией. Опасаясь, что трудное изучение математики ухудшит здоровье ребенка, отец прятал книги, старался не говорить о ней с друзьями при сыне.

Однако, несмотря на родительский запрет, Блез закрывался в своей комнате и втайне штудировал книги по математике. Однажды, войдя в комнату сына, Этьен Паскаль обнаружил на стенах написанные углем геометрические фигуры и решение одной из задач геометрии Евклида. Он был настолько поражен этим, что разрешил наконец мальчику заниматься этой наукой. Уже в 13 лет Блез Паскаль был допущен на заседания кружка известного французского ученого Мерсенна, которые регулярно посещал его отец, а в 16 лет написал первое произведение в области геометрии – «Опыт о конических сечениях». Такими сечениями называются кривые, образующиеся при пересечении конуса плоскостью (это такие известные фигуры как эллипс, парабола, гипербола).

Первая научная работа Блеза Паскаля содержала три теоремы по коническим сечениям и ряд следствий из них. Она была отправлена для ознакомления известному французскому математику Рене Декарту. Тот сделал о ней весьма острые критические замечания. Самолюбие молодого и вспыльчивого ученого было уязвлено. В итоге этот труд остался незавершенным и неопубликованным. Он так и не дошел бы до современного читателя, если бы другой известный французский математик, физик и философ Готфрид Лейбниц, не снял с него копию и не сохранил у себя.

После первой неудачной, как казалось самому Паскалю, работы он не оставляет занятия геометрией. Помимо этой науки его особенно интересуют математика и физика. Помогая отцу в налоговой службе, юноша конструирует свою первую счетную машину для бухгалтерских вычислений. В 1645 году арифметическая машина была готова, за что в 1649 году Паскаль получил на свое изобретение королевскую привилегию, то есть патент. После смерти мыслителя над модернизацией этого аппарата работали многие ученые, в том числе и Г. Лейбниц, но никто из них не получил патента за усовершенствование изобретения Паскаля. Принципы, на которых построена его машина, до сих пор используются в современных устройствах.

В 23 года Паскаль обращается к изучению физики. Его особенно заинтересовали опыты, касающиеся пустоты. Ими занимался известный итальянский математик того времени

Эванджелиста Торричелли. В 1646 году Блез Паскаль повторил его эксперимент с пустым пространством и открыл принцип работы барометра.

В том же году происходит одно из знаковых событий в биографии мыслителя – знакомство с трудом голландского богослова Корнелия Янсения «Преобразование внутреннего человека». Благодаря произведениям этого богослова в Голландии и Франции стал популярен янсенизм – религиозное течение в католической церкви, вставшее в оппозицию ее догматике и обрядности. Труд Янсения отцу Паскаля подарили врачи – члены общины янсенистов. Он был верующим человеком. Янсенисты часто посещали дом Паскалей и вели с ним беседы на религиозные темы.

Янсенизм набирал популярность во Франции среди образованных слоев населения. Работа основателя этого течения «Августин» оказала мощное влияние на религиозную жизнь страны. В своих взглядах Корнелий Янсений опирался на труды Августина Блаженного, в центре его внимания лежало понятие Божественной Благодати как центра всех человеческих устремлений. Но впоследствии это движение было подавлено католической церковью, а его сторонники обвинены в кальвинистской ереси.

Еще в Руане семья Паскалей познакомилась с общиной янсенистов, которую возглавлял священник из соседнего округа Рувиля – Жан Жильбер. Члены этой общины оказали сильное влияние на Этьена Паскаля. Его старшая дочь

Жильберта, ставшая первым биографом своего брата, всю жизнь была яркой сторонницей этого течения. А младшая дочь Жаклина приняла постриг и стала монахиней в духовном центре янсенизма – женском монастыре Пор-Рояль-в-Полях близ Версаля. Это движение существенно повлияло на мировоззрение Блеза Паскаля. Позже в своем произведении «Письма к провинциалу» он выразит взгляды янсенистов.

Первоначально знакомство с ними и увлечение религиозными идеями не остановило научную деятельность Паскаля. В 1647 году он пишет «Новые опыты касательно пустоты в природе». В 1648 году выходит научный труд «Отчет о великом эксперименте равновесия жидкостей», где описываются законы гидравлики. Также в этот период Паскаль издает сочинения «О сущности чисел» и «Об арифметическом треугольнике».

В 1651 году умирает отец мыслителя. Паскаль создает рукописный вариант труда «Трактат о пустоте», но не завершает его. В этот период он пишет математические работы, касающиеся теории вероятностей и исчисления бесконечно малых, которые не были опубликованы, часть из них пропала.

Все время, начиная с детского увлечения геометрией, математикой и физикой, Паскаль был одержим наукой. Он утверждал, что в явлениях природы надо искать не нечто таинственное и чудесное, а простые и понятные разуму законы, поскольку в мире царят простые законы.

Параллельно с физикой Паскаль все глубже и глубже изучает труды и взгляды янсенистов, отличавшиеся от официального учения католической церкви. Согласно этому учению, в жизни человека существуют два основных препятствия на пути к Богу – стремление к земным похотям и забавам (удовольствиям) и стремление познать весь мир со всеми его тайнами (любопытство). Одно препятствие – телесное, другое – духовное. Паскаль неожиданно для себя осознает, что увлечение наукой может являться той самой духовной страстью, мешающей познать предельную основу, истину, каковой является Бог. Эта мысль приводит его в ужас и отчаяние. Мыслитель впадает в глубокий религиозный кризис.

Блез Паскаль, прекрасно знакомый как с теологией, так и с точными науками, пытается провести фундаментальное различие между двумя истинами: веры и научного познания. Он радикально выступает против стремления многих теологов своего времени поставить естествознание в зависимость от теологии, считая, что религия и наука – это два пути: первый основан на вере, подтверждаемой авторитетом Библии, второй – на разуме и критическом мышлении, подкрепленном опытом. Религия и наука, согласно Паскалю, должны дополнять друг друга и находиться в гармонии между собой.

Тем не менее он радикально пересматривает свои взгляды и решает прекратить занятия наукой, занимавшей его ум, чтобы посвятить жизнь познанию Бога. В это время млад-

шая сестра философа уходит в монастырь. Он часто приезжает к ней, и они подолгу беседуют о Боге. Паскаль переживает тяжелейший кризис, ощущая его как отсутствие полноты Бога. Именно этот кризис и мотивы личного религиозного поиска будут звучать почти в каждом фрагменте его главного произведения – «Мысли». В 1654 году Паскаль поселяется вблизи монастыря и начинает вести уединенную, вдали от общественных собраний и увеселительных мероприятий, жизнь. Он создает оригинальное религиозное произведение «Мемориал», а с 1655 года живет как отшельник и аскет возле монастыря Пор-Рояль – обители, являвшейся в то время главной цитаделью янсенизма во Франции.

Последние годы жизни мыслителя сопровождались репрессиями против этого религиозного течения. Они начались в 1653 году при папе Иннокентии X, объявившем ересь 5 тезисов из трактата епископа Янсения «Августин». В 1656 году Паскаль в качестве ответа на реакцию против янсенизма публикует свое первое «Письмо к провинциалу». В 1657 году «Письма» попадают под церковный вердикт. Католическая церковь вносит их в список запрещенных книг и публично сжигает. В 1658 году Паскаль пишет свои последние работы – «Искусство убеждать» и «О геометрическом уме».

В 1659 году состояние здоровья мыслителя резко ухудшается, Паскаль страдает частыми обмороками и потерей сил. С 1660 года он живет у своей сестры Жильберты, где и умирает.

рает в возрасте 39 лет. Последними его словами были: «Не оставь меня, Господи!» Можно без сомнения считать, что Блез Паскаль явил собой пример мыслителя и ученого, который в поиске предельных оснований бытия, истины доходит до того, что, казалось бы, должно противоречить науке, – религии. Однако его жизнь стала образцом удивительного единства и гармонии разума и веры.

–

Философ, как правило, выражает свои взгляды каким-либо основным магистральным произведением. Это можно было бы сказать о труде Блеза Паскаля «Мысли», если бы он имел готовый и завершённый вид. После смерти мыслителя в его кабинете были найдены ворохи бумаг, лишённые содержательной последовательности и логики. На них были запечатлены фрагменты мыслей Паскаля с авторскими сокращениями и пунктуацией. Бумаги были разделены на «связки»: автор успел разложить их, готовясь к выступлению с речью перед друзьями в Пор-Рояле. Однако остались заметки и фрагменты, дошедшие до наших дней из других источников. Части этого труда публикуются в очередности, оставленной самим мыслителем. Произведение осталось нецелостным и незавершённым из-за его продолжительной болезни. Но все это не умаляет значения данной работы, а, напротив, создаёт интерес не только у историков философии и литераторов,

но и у читателей. «Мысли» Паскаля рождают больше вопросов, чем ответов, как и подобает настоящему философскому произведению.

Процесс оформления этого труда был сложным и трудоемким для ученых, изучающих наследие Блеза Паскаля. После его смерти близкие нашли около 800 не связанных между собой по смыслу фрагментов. Затем они были скопированы в том порядке «связок», в котором их нашли у Паскаля. В переизданиях «Мыслей» всегда сохранялся этот порядок, избранный автором при составлении произведения. Первые 27 фрагментов из 800 были озаглавлены Паскалем.

Создается впечатление, что его замысел состоял в сборке некоего «архитектурного» проекта, оставшегося незавершенным. Тем не менее этот труд содержит глубокие мысли о природе мира и месте Бога в жизни человека. Возможно, идея Паскаля состояла не в том, чтобы создать некое логически структурированное произведение, а в том, чтобы изобразить, очертить (как в геометрии) некий архитектурный ландшафт, чьим центром является религиозная вера. Таким образом, фрагментарность произведения – преднамеренный метод и осознанный выбор мыслителя.

Паскаль работал над этим трудом с 1656 года вплоть до своей смерти, последовавшей в 1662 году. До этого его существенным сочинением стали «Письма к провинциалу», бывшие ответом против реакции церкви и государства на влиятельное реформаторское движение того времени во Фран-

ции – янсенизм. «Письма к провинциалу» были направлены против иезуитов. Всего автор опубликовал 18 «Писем». В силу острой полемики с официальной церковью произведение печаталось нелегально, Паскаль подписывал его части псевдонимом – Луи де Монтальт. Янсенизм опирался на учение Августина Блаженного о благодати, являющейся, по мнению сторонников этого учения, единственным источником спасения. Воззрения членов движения противоречили католическому учению о благодати. Это привело к гонениям на янсенистов со стороны церкви. В 1709 году духовный центр этого движения – женский монастырь Пор-Рояль-в-Полях, вблизи которого жил отшельником Блез Паскаль, был упразднен.

Помимо полемического настроения, характерного для «Писем», Паскаль задумывает идею обращения к официальной церкви с наставлением. Он начинает создавать «Апологию христианской веры». Собирается завершить этот труд в 1658 году. Но болезнь лишает Паскаля сил, и он не дописывает свою работу.

Произведение «Мысли» впервые было опубликовано в 1669 году, уже после смерти философа. Оно представляет собой фрагменты разных сочинений Паскаля и особенно «Послания о благодати» и «Апологии христианской веры».

Как свидетельствуют современники, Паскалю была свойственна особая привычка создания своих работ: он долго мог удерживать в памяти какие-либо идеи, пока в уме они не

приобретут законченный вид, и только потом переносил их на бумагу. Он сначала долго обдумывал и лишь затем записывал. Поэтому в его главном труде «Мысли» мы находим отрывки идей.

«Мысли» представляют собой не только апологетическое религиозно-философское, но и литературное произведение, созданное в жанре апологии христианской религии. Паскаль прекрасно владел латинским языком, являвшимся как языком науки, так и христианской веры. Поэтому в своем труде он часто ссылается на латинские и греческие цитаты из Священного Писания. В работе над «Мыслями» Паскаль опирался на произведения англиканских историков-библеистов (прежде всего – на «Анналы Ветхого и Нового Завета» Д. Ашера). Также историко-богословской основой создания этого труда стал латинский перевод Библии, считающийся единственным каноническим текстом Священного Писания в католической церкви, – Вульгата. Ее автор – Отец Церкви блаженный Иероним (Стридонский). Паскаль мастерски владел высоким стилем Библии, о чем свидетельствуют его цитаты, а также личный перевод фрагментов из пророков Священного Писания. «Мысли» написаны ярким и выразительным языком, что дает основание считать это произведение шедевром не только философской, но и литературной мысли Франции.

После смерти философа его старшая сестра Жильберта Паскаль (по мужу – Перье) составляет его биографию, ко-

торая должна была предварять посмертное издание. Однако книга не была опубликована сразу после кончины мыслителя ввиду ее резкой полемики с религиозной и государственной властью. Подготовленное к печати в 1669 году издание «Мыслей» вышло в свет год спустя. Посмертно опубликованные фрагменты были представлены широкой публике лишь в 1670 году. Рукописи с 1711 года хранились в библиотеке аббатства Сен-Жермен-де-Пре. В 1790 году их передали в Национальную библиотеку Франции вместе с сопроводительной запиской аббата Перье, каноника Клермонской церкви, со свидетельством, что они представляют собой подлинный оригинал автора.

В этом издании произведение «Мысли» предваряет биография Паскаля, написанная его старшей сестрой и племянницей, а также предисловие от переводчика.

«Мысли» неоднократно переиздавались. Они подвергались критике со стороны многих выдающихся философов, особенно известны высказывания Вольтера и Кондорсе. В настоящее время этот труд находится в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции и полностью доступен широкому кругу читателей.

Наталья Плужникова

Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника Палаты сборов в Клермоне

Госпожа Перье – Жильберта Паскаль, старшая сестра и первый биограф мыслителя.

Господин Перье (Перье Флорен) – троюродный брат Паскаля, муж Жильберты, советник Палаты сборов Клермонского Парламента.

Мой брат родился в Клермоне 19 июня тысяча шестьсот двадцать третьего года. Отца моего звали Этьен Паскаль, он был председателем Палаты сборов. Моя мать звалась Антуанетта Бегон. Как только брат мой достиг того возраста, когда с ним можно было говорить, он стал выказывать ум необыкновенный – краткими ответами, весьма точными, а еще более – вопросами о природе вещей, которые удивляли всех вокруг. Такое начало, подававшее блестящие надежды, никогда нас не обманывало, ибо, по мере того как он становился взрослее, возрастала и сила его рассуждений, далеко превосходившая его телесные силы.

Палата сборов – Верховная судейская палата, которая разбирала гражданские и уголовные дела, касающиеся сбора налогов с населения. Более точное название – Палата косвенных сборов. Эта палата в Клермоне обладала независимостью, то есть не подчинялась главному законодательному органу Франции – Парламенту, а также Счетной палате.

Моя мать умерла в 1626 году, когда брату было всего три года, и отец, оставшись один, удвоил заботы о своем семействе; поскольку других сыновей у него не было, положение единственного сына и другие качества, которые он угадывал в этом ребенке, заставляли его питать к нему такую привязанность, что он не мог решиться доверить его воспитание кому-нибудь другому и положил обучать его сам, что он и сделал; мой брат никогда не посещал коллежа и не знал другого учителя, кроме отца.

В 1632 году отец переехал в Париж, перевез нас всех туда и там обосновался. Моему брату, которому было тогда только восемь лет, переезд этот был очень полезен, исходя из отцовских замыслов о его воспитании; отец, без сомнения, не мог бы уделять ему столько забот в провинции, где его должность и многочисленное общество, постоянно у него собиравшееся, отнимали у него много времени. А в Париже он был совершенно свободен; он посвятил себя этому целиком и добился такого успеха, какой только могут принести заботы отца столь разумного и любящего.

Главным правилом его воспитания было, чтобы ребенок всегда оставался выше того, что изучал; поэтому отец не хотел преподавать ему латынь, пока ему не исполнилось двенадцати лет, чтобы она ему легче давалась. За это время он не позволял ему праздности, а занимал его всевозможными вещами, на которые считал его способным. Он объяснил ему в общем, что такое языки; он показал, что языки подчиняются определенным правилам грамматики, что из этих правил бывают исключения, которые люди позаботились отметить, и что так было найдено средство сделать все языки доступными пониманию от страны к стране. Эта общая мысль прояснила его понятия и дала ему увидеть, для чего существуют правила грамматики, так что когда он стал их изучать, то уже знал, зачем он это делает, и занимался как раз теми вещами, где более всего требовалось прилежания.

После всех этих познаний отец преподавал ему и другие. Он часто говорил с ним о необыкновенных явлениях в природе, например о порохе и других вещах, поражающих разум, когда о них задумываешься. Мой брат находил большое удовольствие в этих беседах, но хотел знать объяснения всех вещей; а поскольку они не все известны, то, когда отец ему их не давал или давал лишь те, что приводят обычно и суть не что иное, как отговорки, – это его не удовлетворяло. Ибо он всегда обладал удивительной точностью ума в определении ложного; можно сказать, что всегда и во всем единственным предметом, к которому стремился его ум, была истина, так

как никогда и ни в чем он не умел и не мог находить удовлетворения, кроме своих познаний. Поэтому он с детства мог соглашаться только с тем, что казалось ему несомненно правильным, так что, когда ему не давали точных объяснений, он искал их сам и, задумавшись о какой-то вещи, не оставлял ее до тех пор, пока не находил для нее удовлетворяющего его объяснения.

Однажды за столом кто-то случайно ударил ножом по фарфоровой тарелке; он заметил, что при этом раздается громкий звук, который стихает, если прикрыть тарелку рукой. Он хотел непременно узнать тому причину, и этот опыт привел его ко множеству других со звуком. Он обнаружил при этом так много, что в возрасте одиннадцати лет написал о том трактат, который был найден весьма убедительным.

Его гений в геометрии стал проявляться, когда ему было всего двенадцать лет, и при обстоятельствах столь необыкновенных, что о них стоит рассказать подробно. Мой отец обладал обширными познаниями в математике и имел обыкновение беседовать о ней со всеми сведущими в этой науке людьми, которые бывали у него. Но поскольку он намеревался обучить моего брата языкам и знал, что математика имеет свойство заполнять и довольствовать собою ум, то не хотел, чтобы мой брат с нею знакомился, опасаясь, как бы это не заставило его пренебрегать латынью и другими языками, в которых он желал его совершенствовать. Поэтому он спрята- л все математические книги. Он воздерживался разговари-

вать со своими друзьями о математике в его присутствии; но несмотря на такие предосторожности, любопытство ребенка было возбуждено, и он часто просил отца обучать его математике. Но отец отказывался, предлагая ему это в качестве награды. Он обещал, что как только тот преуспеет в латыни и греческом, он начнет учить его математике.

Мой брат, видя подобное сопротивление, спросил его однажды, что такое эта наука и чем она занимается. Отец ответил ему в общем, что это умение строить правильные фигуры и находить пропорции между ними; вместе с тем он запретил говорить о ней дальше и думать когда бы то ни было. Но его ум, не умевший оставаться в предуказанных границах, как только узнал это простое вступление, – что геометрия есть средство строить безупречно правильные фигуры, – стал размышлять о ней в свои свободные часы; придя в комнату, где он обычно играл, он взял уголек и принялся чертить фигуры на полу, ища способа построить совершенную окружность, треугольник с равными сторонами и углами и другие подобные вещи.

Он нашел это все без труда; затем он стал искать пропорции фигур между собой. Но поскольку отец столь тщательно скрывал от него такие вещи, что он не знал даже названий фигур, пришлось ему самому их придумывать. Он называл окружность колечком, прямую – палочкой; так же и с прочим. После названий он придумал аксиомы и наконец совершенные доказательства, и, переходя от одного к другому, он

так далеко продвинулся в своих изысканиях, что дошел до тридцать второй теоремы первой книги Евклида. Когда он ею занимался, отец случайно вошел к нему в комнату, так что брат этого не услышал. Он был на глазах отца так поглощен своими занятиями, что долго не замечал его прихода. Трудно сказать, кто был больше поражен, – сын, увидев отца, строго запретившего ему такие занятия, или отец, увидев сына, погруженного в такие вещи. Но отцовское удивление еще возросло, когда, спросив сына, чем он занимается, услышал в ответ, что он искал такие-то и такие-то вещи, – что и было тридцать второй теоремой Евклида.

Евклид (Эвклид) – великий древнегреческий математик, живший в III в. до н. э. Известен как систематизатор античной математики. Его фундаментальным трудом являются «Начала», представляющие собой формальную систему понятий и законов античной арифметики и геометрии. Эта работа оказала огромное влияние на представления о началах и принципах математической науки не только в Античности, но и во время Блеза Паскаля.

Отец спросил, что навело его на такую мысль, он ответил, что обнаружил то-то и то-то; в ответ на следующий вопрос он рассказал еще несколько доказательств, и так, возвращаясь назад и пользуясь как названиями «колечками» и «палочками», он дошел до своих определений и аксиом.

Мой отец был так потрясен величиной и мощью его даро-

вания, что, не сказав ему ни слова, вышел и отправился к господину Ле Пайеру, своему близкому другу и очень ученому человеку. Придя к нему, он долго оставался неподвижен и словно вне себя. Господин Ле Пайер, видя все это и вдобавок катившиеся из его глаз слезы, был не на шутку встревожен и просил его не скрывать более причину своих огорчений. Отец ему сказал: «Я плачу не от горя, а от радости. Вы знаете, как я старался не допустить для моего сына знакомства с геометрией из страха отвлечь его от других занятий. Но посмотрите, что он сделал».

Ле Пайер – французский математик, друг отца мыслителя – Этьена Паскаля. После смерти М. Мерсенна Ле Пайер возглавил кружок, ставший впоследствии основой Парижской академии наук.

Господин Ле Пайер был удивлен не меньше, чем мой отец, и сказал, что считает несправедливым и далее сковывать такой ум и скрывать от него эти познания, что следует показать ему книги и больше его не удерживать.

Отец с этим согласился и дал ему «Начала» Евклида для чтения в часы досуга. Он прочел и разобрался в них сам, и объяснения ему не потребовалось ни разу. Пока он их читал, он придумывал и свое и продвинулся так далеко, что смог постоянно бывать на еженедельных собраниях, куда сходились самые ученые люди в Париже, чтобы принести свои работы и обсудить чужие.

Брат мой стал очень заметен и в обсуждениях, и в соб-

ственных трудах, будучи одним из тех, кто наиболее часто приносил туда новые работы. В этих собраниях нередко также разбирались задачи, присланные из Германии и других стран, и его мнение обо всем этом выслушивалось внимательнее, чем чье-либо другое: у него был ум столь живой, что, случалось, он обнаруживал ошибки там, где прочие их не замечали. А между тем он уделял этим занятиям лишь часы досуга, так как изу, чал тогда латынь, согласно правилам, установленным для него отцом. Но поскольку он находил в этой науке истину, которую всегда так пылко искал, то был так этим счастлив, что вкладывал в нее всю душу; и как бы мало он ею ни занимался, он продвигался так быстро, что в возрасте шестнадцати лет написал «Трактат о конических сечениях», который слыл таким достижением ума, что говорили, будто со времен Архимеда не бывало ничего подобного.

Архимед – один из наиболее известных древнегреческих ученых-математиков. Занимался изучением движения тел, определением их площадей и объемов. Сформулировал знаменитый закон в области гидростатики и аэростатики – закон Архимеда, согласно которому объем вытолкнутой жидкости равен объему погруженного в нее тела.

Все ученые полагали, что надо сразу же его напечатать, потому что, говорили они, хотя такой труд всегда будет вызывать восхищение, а все же, если его напечатать в тот

год, когда автору всего шестнадцать лет, это обстоятельство немало прибавило бы к его достоинствам. Но поскольку мой брат никогда не имел жажды славы, он не придал этому значения, и труд этот так и не был напечатан.

Все это время он продолжал изучать латынь и греческий, а кроме того, за едой и после нее отец беседовал с ним то о логике, то о физике и других разделах философии, и он все об этом узнал, не бывав никогда в коллеже и не имев других учителей ни в этом, ни во всем прочем.

Можно только вообразить, как радовался отец успехам моего брата во всех науках; но он не подумал, что такое усиленное и постоянное напряжение ума в столь нежном возрасте может дурно сказаться на его здоровье; и действительно, оно стало ухудшаться, как только он достиг восемнадцати лет. Но недомогания, которые он тогда испытывал, были невелики и не мешали ему продолжать все его привычные занятия, так что как раз в то время, в возрасте девятнадцати лет, он изобрел арифметическую машину, с помощью которой можно производить всевозможные действия не только без пера или жетонов, но и без знания правил арифметики, и притом с безошибочной точностью. Это изобретение считалось вещью совершенно небывалой, поскольку укладывало в машину науку, обитающую в уме человеческом, и указывало средства производить с ней все действия безупречно правильно, не прибегая при этом к размышлению. Эта работа очень его утомила не самим замыслом или механизмом, ко-

торые он придумал без труда, но необходимостью объяснять все это рабочим, так что он потратил два года на то, чтобы довести ее до нынешнего совершенства.

Но эта усталость и хрупкость его здоровья, сказывавшаяся уже несколько лет, вызвали у него недомогания, от которых он так и не избавился с тех пор; и он говаривал нам, что с восемнадцати лет у него не было ни дня без страданий. Недомогания эти бывали разной тяжести, и как только они давали ему передышку, его ум сразу же устремлялся на поиски чего-то нового.

В один из таких промежутков, в возрасте двадцати трех лет, увидев опыт Торричелли, он затем придумал и осуществил свой, называемый «опыт с пустотой», ясно доказывающий, что все явления, приписывавшиеся до того пустоте, причиной своей имеют тяжесть воздуха. Это была последняя работа в земных науках, которой он занял свой ум, и хотя впоследствии он изобрел циклоиду, в моих словах нет противоречия, потому что он нашел ее, не думая о ней и при обстоятельствах, заставляющих полагать, что он не прикладывал к тому усилий, как я бы сказала на его месте. Сразу же после того, когда ему не было еще и двадцати четырех лет, Промысел Божий представил случай, побудивший его читать благочестивые книги, и Бог так просветил его через это святое чтение, что он совершенно понял, что христианская религия требует от нас жить только для Бога и не иметь иной цели, кроме Него. Эта истина показалась ему столь оче-

видной, и столь обязательной, и столь благотворной, что он оставил все свои изыскания. И с тех пор он отринул все прочие познания, чтобы предаваться тому, о чем Иисус Христос сказал, что оно одно только нужно (Лк. 10, 42).

Торричелли Эванджелиста (1608–1647) – итальянский физик и математик. В области физики он известен опытами с атмосферным давлением. Э. Торричелли был учеником и продолжателем идей Г. Галилея в области новой механики. В своих опытах он доказал, что воздух имеет вес, который при попадании в твердое тело создает давление. До этого в физике последнее связывали с отсутствием пустоты. Концепция атмосферного давления, разработанная этим ученым, настолько увлекла Паскаля, что он сформулировал знаменитый закон, названный его именем, – закон Паскаля: давление, производимое на поверхность жидкости внешними силами, передается жидкостью во все стороны без изменения.

Промысел Божий (другое обозначение – Провидение) – христианское понятие, обозначающее деятельность Бога в мире, проявляющуюся в Его постоянной заботе о мире. Провидение воплощает в себе эту заботу, а также идею установленного Богом порядка как проявление Его свободного и разумного установления, подчинение всего известным только Ему целям. Эти цели есть то, что заложено Богом как внутренняя духовная основа, которая объемлет и охватывает весь мир. Конечной целью воплощения и

осуществления Божьего Промысла является Любовь: Господь, будучи Создателем, заботится о человеке – своем творении, как отец о ребенке.

...Иисус Христос сказал, что оно одно только нужно (Лк. 10, 42). – Речь идет о толковании Евангелия от Луки: «а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее». Здесь повествуется о разговоре Спасителя с женщиной по имени Марфа. Она хотела оказать Ему гостеприимство, в то время как ее сестра Мария молча села у ног Иисуса и слушала Его. Этот эпизод говорит нам о том, что хотя гостеприимство и является добродетелью, но все-таки высшее благо – духовные беседы: тело надо наполнять не яствами, а знаниями. Данный фрагмент из биографии объясняет стремления Паскаля, для которого как для ученого и мыслителя существовало только одно высшее благо – духовное познание.

Он был до той поры особым покровительством Провидения обережен ото всех пороков молодости, и, что еще более удивительно, при его складе и направлении ума он никогда не был склонен к вольнодумству в том, что касается религии, всегда ограничивая свою любознательность явлениями природными; и он мне не раз говорил, что это правило присоединялось у него ко всем остальным, завещанным ему отцом, который сам питал благоговение к религии, внушил его и сыну с детства и наказал ему, что все, что составляет предмет веры, не может быть предметом рассуждений.

Эти правила, часто повторявшиеся ему отцом, к которому он питал глубочайшее почтение и в котором обширные познания соединялись с умом сильным и точным, так врезались ему в душу, что какие бы речи он ни слышал от вольнодумцев, они его никак не задевали, и хотя он был еще очень молод, но считал их людьми, исповедовавшими ложную мысль о том, что разум человеческий превышает всего, и не понимавшими самой природы веры.

Так этот великий ум, столь широкий и столь исполненный любознательности, столь неустанно искавший причины и объяснения всему на свете, был в то же время покорен всем заповедям религии, как ребенок. И такая простота царила в его душе всю жизнь, так что с тех самых пор, когда он решился не изучать более ничего, кроме религии, он никогда не занимался сложными теологическими вопросами и употреблял все силы своего ума на то, чтобы познавать правила христианской морали и совершенствоваться в ней, чему он посвятил все дарования, данные ему Богом, и весь остаток своей жизни не делал ничего иного, кроме как размышлял денно и ночью о законе Божиим. Но, хотя он особо и не изучал схоластику, ему были известны постановления Церкви против ересей, измышленных хитростями и заблуждениями ума человеческого; такого рода изыскания более всего его возмущали, и в это время Бог послал ему случай явить свое рвение к религии.

Теология – (греч. θεολογία, букв. – богословие, от

θεός – Бог и λόγος – слово, учение) – учение о Боге (Богословие).

Закон Божий – Библия (Священное Писание). Она включает в себя Ветхий и Новый Заветы. Содержит религиозные принципы и нормы, составляющие основу духовной жизни человека в иудаизме (Ветхий Завет) и христианстве (Новый Завет). Позднее под Законом Божиим стала пониматься церковная дисциплина, изучающая основы христианского вероучения в церковных и светских учреждениях. В тексте это словосочетание употребляется сестрой Паскаля в первом значении.

Схоластика – дисциплина в школьном и университетском образовании Франции, излагающая точные основы веры.

Ересь – заблуждение или намеренное искажение учения Церкви. Слово имеет древнегреческое происхождение, означающее «выбор», «направление». Если изначально этим понятием обозначались различные философские школы, то в новозаветных апостольских посланиях оно означает утверждение или учение, которое сознательно противопоставляется учению Церкви.

Он жил тогда в Руане, где наш отец был занят на королевской службе; в то время там объявился некий человек, который обучал новой философии, привлекавшей всех любопытных. Двое молодых людей, из числа друзей моего брата, зазывали его к этому человеку; он с ними пошел. Но в беседе

с философом они были немало удивлены, убедившись, что, излагая им основы своей философии, он извлекал из них выводы о вопросах веры, противоречащие решениям Церкви. Он доказывал с помощью рассуждений, что тело Иисуса Христа не образовалось из крови Пресвятой Девы, и многое другое в том же духе. Они пытались возражать ему, но он стоял на своем. Обсудив между собой, как было бы опасно позволить беспрепятственно наставлять юношество человека с такими ложными воззрениями, они решили сначала его предупредить, а если он будет упорствовать, то донести на него. Так и случилось, потому что он пренебрег их советами; тогда они сочли, что их долг – донести на него монсеньору Дю Белле, исполнявшему тогда обязанности руанского епископа по поручению монсеньора архиепископа. Монсеньор Дю Белле послал за этим человеком, допросил его, но был обманут двусмысленным признанием, которое тот написал собственноручно и скрепил своей подписью; впрочем, он не придавал большой важности предупреждению, исходившему от троих молодых людей. Но как только они прочли это исповедание веры, то сразу поняли все его недомолвки, и это заставило их поехать к монсеньору архиепископу Руанскому в Гайон. Вникнув во все, он нашел это столь важным, что дал полномочия своему совету, а монсеньору Дю Белле послал особое распоряжение заставить этого человека объясниться по всем статьям обвинения и ничего не принимать от него иначе как через посредство тех, кто на него донес.

Это было исполнено, и он предстал перед архиепископским советом и отрекся от всех своих воззрений; можно сказать, что он сделал это искренне, потому что никогда не выказывал обиды на тех, кому был обязан этой историей, что позволяет думать, что он сам был обманут ложными заключениями, которые выводил из своих ложных посылок. Верно также, что в этом не было злого умысла против него и никакого другого намерения, кроме как открыть глаза ему самому и помешать ему соблазнять молодых людей, которые оказались бы не способны отличать истинное от ложного в таких тонких вещах. Так эта история разрешилась благополучно. И поскольку мой брат все более погружался в поиски способов угождать Господу, эта любовь к совершенству так пылала в нем с двадцати четырех лет, что охватила весь дом. Отец, не стыдясь учиться у своего сына, стал с тех пор вести жизнь более строгую благодаря постоянным упражнениям в добродетели вплоть до самой смерти, и кончина его была совершенно христианская.

Гайон – одна из провинций на севере Франции.

Моя сестра, наделенная дарованиями необыкновенными, снискавшими ей с детства такое громкое имя, какого не часто добиваются и девицы много старше ее, была так тронута речами брата, что решила отказаться от всякого успеха, который до тех пор так любила, и целиком посвятить себя Богу. Поскольку она была очень умна, то, как только Бог посетил ее сердце, она поняла вместе с братом все, что он

говорил о святости христианской религии, и не могла более сносить своего несовершенства, в котором, ей казалось, она пребывала в миру; она стала монахиней в обители с очень суровым уставом, в Пор-Рояле-в-Полях, и умерла там в возрасте тридцати шести лет, пройдя самые трудные послушания и утвердившись за краткий срок в таких достоинствах, каких другие достигают лишь за долгие годы.

Моему брату было тогда двадцать четыре года; его недомогания все усиливались, и дошло до того, что он не мог глотать никакой жидкости, если она не была подогрета, и то лишь по капельке. Но так как кроме того он страдал невыносимыми головными болями, воспалением внутренностей и многими другими недугами, то врачи велели ему очищаться через день в течение трех месяцев; ему приходилось глотать все снадобья так, как он мог, то есть подогретыми и каплю за каплей. Это была настоящая пытка, и окружавшим его было трудно даже смотреть на это; но мой брат никогда не жаловался. Он все это считал благом для себя. Ведь он не знал более иной науки, кроме науки добродетели, и, понимая, что она совершенствуется в недугах, он с радостью шел на все мучительные жертвы своего покаяния, видя во всем преимущества христианства. Он часто говорил, что прежде болезни мешали его занятиям и он страдал от этого, но что христианин должен принимать все, а особенно страдания, потому что в них познается Иисус Христос распятый, Который должен быть для христианина всей наукой и единственной сла-

...христианин должен принимать все, а особенно страдания, потому что в них познается Иисус Христос распятый... – В этом фрагменте биографии Паскаль выступает как последовательный сторонник христианской веры, поскольку он считает, что именно через страдание в значении душевной или телесной боли человек может понять смысл события и присутствие в своей жизни Бога. Это воззрение соответствует христианскому учению: страдание неизменно осуществляется по Божьему Промыслу, но нам не всегда дано увидеть его конечную цель. Согласно Священному Писанию, страдания способствуют духовному преобразению, спасению души, поэтому они являются неотъемлемой частью жизни любого христианина.

Продолжительное употребление этих снадобий вместе с другими, ему предписанными, принесло некоторое облегчение, но не полное выздоровление. Врачи решили, что для полного восстановления сил он должен отказаться от всякой длительной умственной работы и, насколько возможно, искать случаев направлять свой ум на то, что его занимало бы и было бы ему приятно, то есть, одним словом, на обычные светские беседы; ведь других развлечений, подходящих для моего брата, не было. Но как заставить решиться на это такого человека, как он, которого Бог уже посетил? И вправду сначала это оказалось очень трудно. Но на него так наседа-

ли со всех сторон, что он в конце концов уступил доводам о необходимости укрепить свое здоровье: его убедили, что это сокровищница, которую Бог велел нам беречь.

И вот он оказался в свете; он не раз бывал при дворе, и опытные царедворцы замечали, что он усвоил вид и манеры придворного с такой легкостью, будто воспитывался там от рождения. В самом деле, когда он говорил о свете, то так проникательно вскрывал все его пружины, что нетрудно было себе представить, как он умел бы на них нажимать и вникать во все, что требуется, чтобы приспособиться к такой жизни, насколько он бы счел это разумным.

То было время его жизни, употребленное наихудшим образом: хотя милосердие Божие оберегло его от пороков, а все же то был мирской дух, весьма отличный от евангельского. Богу, ожидавшему от него большего совершенства, не угодно было оставлять его в таком состоянии надолго, и Он воспользовался моей сестрой, чтобы его извлечь, как некогда Он воспользовался моим братом, чтобы извлечь ее из ее мирских занятий.

С тех пор как она стала монахиней, ее пыл всякий день усиливался, и все ее мысли дышали одной бесконечной святостью. Вот почему она не могла снести, что тот, кому она после Бога более всех была обязана снизошедшей на нее благодатью, не имел такой же благодати; и так как мой брат виделся с нею часто, она часто говорила об этом, и наконец слова ее обрели такую силу, что она убедила его – как он убедил

ее первый – покинуть мир и все мирские разговоры, самые невинные из которых – всего лишь повторение пустяков, совершенно недостойное святости христианства, к которой мы все призваны и образец которой нам дал Иисус Христос.

Соображения здоровья, которые раньше поколебали его, показались ему теперь столь жалкими, что он сам их стыдился. Свет истинной мудрости открыл ему, что спасение души следует предпочесть всему остальному и что удовлетворяться преходящими благами для тела, когда речь идет о вечном благе для души, – это значит рассуждать ложно.

Свет истинной мудрости открыл ему... – это значит рассуждать ложно. – Согласно христианскому учению, цель земного бытия – это спасение души для достижения Царствия Небесного. Поэтому спасение тела (то есть удовлетворение телесных потребностей, а не духовных) относится к второстепенному в нашей жизни. Именно душа, а не тело, бессмертна. Последнее есть лишь ее временное пристанище – искры Божьей и Божьего творения: «Тело без духа мертво» (Иак. 2:26).

Ему было тридцать лет, когда он решился оставить свои новые мирские обязанности; начал он с того, что переменил квартал, а чтобы бесповоротно порвать со своими привычками, отправился в деревню; вернувшись оттуда после продолжительного отсутствия, он так ясно показал свое желание покинуть свет, что и свет покинул его.

Как и во всем, он и в этом хотел добраться до самого осно-

вания: его ум и сердце были так устроены, что он не мог иначе. Правила, которые он положил себе в своем уединении, были твердые правила истинного благочестия: одно – отказаться от всех удовольствий, а другое – отказаться от всякого рода излишеств.

Для исполнения первого правила он прежде всего стал, насколько возможно, обходиться без слуг и с тех пор поступал так всегда: сам стелил себе постель, обедал в кухне, относил посуду, одним словом, позволял слугам делать только то, чего никак не мог делать сам.

Обходиться вовсе без чувственных ощущений было невозможно; но когда ему приходилось по необходимости доставлять чувствам какое-то удовольствие, он удивительно искусно отвращал от него душу, чтобы она не имела тут своей доли. Мы никогда не слышали, чтобы он похвалил какое-то блюдо, которое ему подавали; а когда ему старались иногда приготовить что-нибудь повкуснее, то на вопрос, понравилось ли ему кушанье, он отвечал просто: «Надо было предупредить меня заранее, а сейчас я уже об этом не помню и, признаюсь, не обратил внимания». А когда кто-нибудь, следуя принятому в свете обычаю, восхищался вкусным кушаньем, он не мог этого выносить и называл это чувственностью, хотя это и была самая обыкновенная вещь, – «потому, – говорил он, – что это значит, что вы едите, чтобы ублажить свой вкус, что всегда дурно, либо по меньшей мере, что вы говорите тем же языком, что и люди чувственные, а это

не пристало христианину, который ничего не должен говорить такого, что не дышало бы святостью». Он не позволял, чтобы ему подавали какие-нибудь соусы или рагу, ни даже апельсины или кислый виноградный сок, ничего возбуждающего аппетит, хотя от природы он все это любил.

С самого начала своего затворничества он определил количество пищи, необходимое для потребностей его желудка; и с тех пор, какой бы ни был у него аппетит, он никогда не переступал эту меру, и как бы ему ни было противно, съедал все, что себе определил. Когда его спрашивали, зачем он это делал, он отвечал, что надо удовлетворять потребности желудка, а не аппетита.

Но умерщвление чувств не ограничивалось у него только отказом от всего, что могло быть ему приятно, как в еде, так и в лечении: он четыре года подряд принимал разные снадобья, не выказывая ни малейшего отвращения. Как только ему предписывали какое-нибудь лекарство, он начинал его принимать без усилий, и когда я удивлялась, как это ему не противно принимать такие ужасные снадобья, он смеялся надо мной и говорил, что не понимает, как это может быть противно то, что принимаешь по доброй воле и будучи предупрежден о его дурных свойствах, что такое действие должны производить только насилие и неожиданность. В дальнейшем нетрудно будет увидеть, как он применял это правило, отказываясь от всякого рода удовольствий духа, к которым могло быть причастно самолюбие.

Не менее заботился он и об исполнении другого поставленного им себе правила, вытекающего из первого, — отказываться от всякого рода излишеств. Постепенно он убрал все занавеси, покрывала и обивку из своей комнаты, потому что не считал их необходимыми; к тому же и приличия его к тому не обязывали, ибо его посещали отныне только те люди, которых он неустанно призывал к воздержанию и которые, следовательно, не удивлялись, увидев, что он живет так, как советует жить другим.

Вот как он провел пять лет своей жизни, от тридцати лет до тридцати пяти, в неустанных трудах для Бога, или для ближнего, или для себя самого, стремясь ко все большему самосовершенствованию; в каком-то смысле можно сказать, что это и был весь срок его жизни, потому что четыре года, которые Бог дал ему прожить после того, были одной сплошной мукой. С ним случилась не какая-то новая болезнь, но удвоились недомогания, которыми он страдал с юности. Но тогда они набросились на него так яростно, что в конце концов его погубили; и во все это время он совсем не мог ни минуты поработать над великим трудом, который он затеял в защиту религии, не мог поддерживать людей, которые спрашивали его совета, ни устно, ни письменно: недуги его были так тяжелы, что он не мог им помочь, хотя очень этого желал.

Мы уже говорили, что он отказался от лишних визитов и вообще никого не хотел видеть.

Но поскольку люди ищут сокровища повсюду, где они

есть, и Богу неуютно, чтобы свечу зажженную покрывали сосудом, то кое-кто из умных людей, знакомых ему прежде, искал его и в его уединении и спрашивал совета. Иные, которые имели сомнения в вопросах веры и знали, как он в них сведущ, также обращались к нему; и те и другие – а многие из них живы – всегда возвращались удовлетворенными и свидетельствуют по сей день, при каждом случае, что это его разъяснениям и советам они обязаны тем добром, которое знают и делают.

Хотя он вступал в такие беседы только из милосердия и бдительно следил за собой, чтобы не растерять того, чего пытался достичь в своем затворничестве, они были ему все-таки тяжелы, и он опасался, как бы тщеславие не заставило его находить удовольствие в этих беседах; а его правилом было – не допускать таких удовольствий, в которых тщеславие было бы хоть как-то замешано. С другой стороны, он не полагал себя вправе отказывать этим людям в помощи, в которой они нуждались. Отсюда в нем проистекала борьба. Но дух самоумаления, который и есть дух любви, все примиряющий, пришел ему на помощь и внушил завести железный пояс, весь утыканный шипами, и надевать его прямо на голое тело всякий раз, когда ему докладывали, что какие-то господа его спрашивают. Он так и сделал, и когда в нем просыпался дух тщеславия или когда он испытывал какое-то удовольствие от беседы, то прижимал его к себе локтем, чтобы усилить боль от уколов и так напомнить себе о своем долге. Такой обычай

показался ему столь полезным, что он прибегал к нему и для того, чтобы предохранять себя от праздности, к которой был принужден в последние годы своей жизни. Поскольку он не мог ни читать, ни писать, то ему приходилось предаваться безделью и отправляться на прогулку, не имея возможности думать о чем-либо связно. Он справедливо опасался, как бы такое отсутствие занятий, которое есть корень всякого зла, не отвратило его от его воззрений. И чтобы всегда быть на чеку, он словно вживил в свое тело этого добровольно приглашенного врага, который, вгрызаясь в его плоть, беспрестанно побуждал его дух к бодрости и тем давал ему возможность верной победы. Но все это держалось в такой тайне, что мы ничего не знали, а стало нам это известно только после его смерти от одного весьма добродетельного человека, которого он любил и которому обязан был об этом сказать по причинам, касавшимся самого этого человека.

Все то время, которое не отнимали у него дела милосердия, подобные тем, о каких мы рассказали, он отдавал молитвам и чтению Священного Писания. Это было словно средоточие его сердца, где он находил всю радость и весь покой своего уединения. У него и вправду был особенный дар вкушать благо таких двух драгоценных и святых занятий. Можно даже сказать, что для него они не различались: молясь, он размышлял о Священном Писании. Он часто говорил, что Священное Писание – наука не для ума, а для сердца, что она понятна только тем, у кого сердце чистое, а

все остальные видят в нем только тьму, что покров, скрывающий Писание от иудеев, скрывает его и от дурных христиан и что любовь – не только предмет Писания, но и врата в него. Он заходил еще дальше и говорил, что способность постигать Священное Писание приходит к тем, кто ненавидит самих себя и любит умерщвленную жизнь Иисуса Христа. В таком расположении духа он читал Священное Писание и делал это столь прилежно, что знал его почти все наизусть, так что ему нельзя было привести неверную цитату, и он мог с уверенностью сказать: «Этого нет в Писании», или: «Это там есть», и точно называл место и знал по сути все, что могло быть ему полезно для совершенного понимания всех истин как веры, так и морали.

У него был такой замечательный склад ума, который украшал все, что он говорил; и хотя он многие вещи узнал из книг, но переваривал их по-своему, и они казались совершенно иными, потому что он всегда умел изъясняться так, как следовало, чтобы они проникли в ум другого человека.

У него был необыкновенный склад ума от природы; но он создал для себя совершенно особые правила красноречия, которые еще усиливали его дарование. Это вовсе не было то, что называют блестящими мыслями и что на самом деле есть фальшивый бриллиант и ничего не означает: никаких громких слов и очень мало метафорических выражений, ничего ни темного, ни грубого, ни кричащего, ни пропущенного, ни лишнего. Но он понимал красноречие как способ выразить

мысли так, чтобы те, к кому обращаются, могли их схватывать легко и с удовольствием; и он полагал, что это искусство состояло в некоем соотношении между умом и сердцем тех, к кому обращаются, и мыслями и выражениями, которыми пользуются, но эти соотношения связываются воедино должным образом, только если им придать подобающий поворот. Вот почему он внимательно изучал сердце и ум человека: он прекрасно знал все их пружины. Когда он размышлял о чем-нибудь, то ставил себя на место тех, кто будет его слушать, и, проверив, все ли соотношения тут налицо, он искал затем, какой поворот надо им придать, и удовлетворялся лишь тогда, когда видел несомненно, что одно так соответствовало другому, то есть что он думает как бы умом своего будущего собеседника, что когда наступало время всему этому соединиться в разговоре, то уму человеческому невозможно было не принять его доводы с удовольствием. Из малого он не делал великого, а из великого – малого. Ему недостаточно было, что фраза казалась красивой; она должна была еще и соответствовать своему предмету, чтобы в ней не было ничего лишнего, но также и ничего недостающего. Одним словом, он настолько владел своим стилем, что мог выразить все, что хотел, и его речь всегда производила то впечатление, которое он и задумал. И эта манера письма, одновременно простая, точная, приятная и естественная, была так ему свойственна и так не похожа на других, что едва появились «Письма к провинциалу», как все угадали, что они написаны им, как он

ни старался это скрыть даже от своих близких.

В то время Богу было угодно исцелить мою дочь от слезной фистулы, которой она страдала три с половиной года. Фистула эта была такого дурного свойства, что искуснейшие хирурги в Париже сочли ее неизлечимой; и наконец Бог взял на Себя ее исцеление через прикосновение к Святому Тернию, хранящемуся в Пор-Рояле, и это чудо было засвидетельствовано многими хирургами и врачами и подтверждено торжественным решением Церкви.

Дочь моя была крестницей моего брата; но более всего он был потрясен этим чудом потому, что Бог в нем прославился, и потому, что оно случилось в такое время, когда вера у большинства людей ослабела. Радость его была так велика, что он был весь ею пронизан; а поскольку он всегда глубоко размышлял обо всем, чем бы ни был занят его ум, то в связи с этим отдельным чудом ему пришли в голову многие весьма важные мысли о чудесах вообще, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Если существуют чудеса, значит, есть нечто выше того, что мы зовем природой. Отсюда по здравому смыслу следует: надо только убедиться в достоверности и подлинности чудес. А для этого есть правила, вытекающие опять-таки из здравого смысла, и эти правила оказываются верны для чудес Ветхого Завета. Следовательно, эти чудеса истинны; следовательно, есть нечто выше природы.

Ветхий Завет и Новый Завет представляют собой две части Священного Писания, которые различаются

временем своего создания, а также учением о Мессии. Священное Писание написано пророками и апостолами. Учение Иисуса Христа и апостолов составляет содержательную часть Нового Завета, в то время как в Ветхом Завете описывается Откровение пророков до пришествия Спасителя на землю.

Но эти чудеса сопровождаются еще и знаменами того, что они исходят от Бога; особенно чудеса Нового Завета свидетельствуют, что Тот, Кто их совершил, – Мессия, Которого люди должны были ожидать. Итак, чудеса и Ветхого, и Нового Завета доказывают, что Бог есть, а чудеса Нового Завета особо доказывают, что Иисус был истинный Мессия.

Под чудом в христианстве, как и во многих религиях, понимаются сверхъестественные события или явления, выходящие за пределы рационального объяснения со стороны человека. В этом фрагменте Паскалем не случайно указывается, что чудеса исходят от Бога, так как истинные чудеса, как убеждены последователи Христа, совершаются только при содействии Божественной благодати.

Мессия (от *евр.* «машиах» – помазанник) – Сын Божий, воплотившийся в земной жизни в образе человека. Согласно христианскому вероучению он намеренно принес себя в искупительную жертву на Кресте, воскрес и вознесся на Небо ради спасения людей.

Он излагал все это необыкновенно разумно, и когда мы

слушали, как он рассказывает обо всех обстоятельствах, при которых были засвидетельствованы эти чудеса в Ветхом и Новом Заветах, они нам казались ясны. Нельзя было отрицать истинности этих чудес, а также выводов, которые он из них извлекал для доказательства Бога и Мессии, не нарушая самых общих правил, по которым судят о достоверности всех вещей, почитаемых несомненными. Кое-что из его мыслей об этом было собрано; но это совсем немного, и я полагаю бы себя обязанной рассказать об этом поподробней и пролить на то больше света согласно всему, что мы от него слышали, если бы один из его друзей не показал нам трактата о книгах Моисеевых, где все это было изложено замечательно и таким слогом, который не был бы недостойн моего брата. Я вас отсылаю к этому труду; добавлю только – и это важно здесь заметить, – что разнообразные мысли моего брата о чудесах ему многое открыли о религии. Поскольку все эти истины следуют одна из другой, ему достаточно бывало задуматься об одной, а другие словно приходили к нему толпой и являлись его уму так, что возвышали его самого, как он нам часто говорил; при подобных обстоятельствах он и возгорелся против атеистов настолько, что, увидев при свете мудрости, ниспосланной ему Богом, как их убедить и разбить бесповоротно, он и затеял этот труд, сохранившиеся части которого дают нам такие основания сожалеть, что он не собрал их сам и не составил из них, вместе с тем, что он мог бы еще добавить, сочинения законченной красоты. Без

сомнения, он был на это способен, но Бог, одаривший его разумом, необходимым для столь великого замысла, не дал ему достаточно здоровья, чтобы довести этот замысел до совершенства.

Атеист – человек, отрицающий существование Бога. Паскаль известен своим жестко критическим взглядом на это мировоззрение. Им был сформулирован аргумент, доказывающий рациональность веры и ложность предпосылок атеистических взглядов. Этот аргумент известен как «Пари Паскаля»: «Если Бог не существует, то атеист мало что теряет, веруя в Него, и, соответственно, немного приобретает, не веруя в Него; Если же Бог существует, то атеист приобретает вечную жизнь, уверовав в Него, и теряет бесконечное благо, не веруя».

Он намеревался доказать, что у христианской религии столько же свидетельств истинности, сколько и у любой вещи, считающейся в мире самой достоверной. Он не прибегал для этого к метафизическим аргументам; это не значит, что он ими пренебрегал, когда они были уместны. Но он говорил, что они очень далеки от обычного человеческого разума, что не все к ним способны и что тем, кто способен, они годятся лишь на краткий миг, а час спустя они уже не знают, что об этом сказать, и боятся быть обмануты. Он говорил также, что такого рода доказательства могут привести нас лишь к рассудочному знанию Бога, а знать Его таким образом означает не знать Его вовсе. Он старался не прибе-

гать и к обыденным доводам, взятым из тварной природы; он их ценил, потому что они освящены Писанием и согласуются с разумом, но полагал, что они не сообразны расположению ума и сердца тех, кого он замыслил убедить. Он знал по опыту, что таким способом не только их не осилить, но и нет ничего лучше, напротив, чтобы их отвратить и лишиться надежды найти истину, чем пытаться их убедить только такого рода рассуждениями, против которых они зачастую так ожесточаются, что огрубление сердец делает их глухими к подобному голосу природы и что они пребывают в ослеплении, от которого могут избавиться только через Иисуса Христа, а вне Его никакого общения с Богом нам не дано, ибо написано, что Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть.

Метафизические аргументы в понимании Паскаля обозначают теоретические размышления, как правило, философского характера.

Христианское Божество не сводится просто к Богу – зиждителю математических истин и миропорядка: это участь язычников. Оно не сводится к Богу, простирающему промысел Свой на жизнь и имение человеческие, чтобы посылать череду счастливых лет: это удел иудеев. Но Бог Авраама и Иакова, Бог христиан есть Бог любви и утешения; это Бог, наполняющий душу тех, кто Его нашел. Это Бог, Который зарождает внутри них ощущение их ничтожества и Его бесконечного милосердия, который соединяется с ними в глу-

бине их душ, наполняет их смирением, верой, надеждой и любовью, делает их неспособными стремиться к иной цели, кроме Него Самого.

Авраам (с *евр.* «отец множества») – библейский патриарх, родоначальник иудейского народа, призванный Богом для сохранения религии.

Иаков – ветхозаветный патриарх, внук Авраама.

...Бог христиан есть Бог любви и утешения... – Паскаль как христианин полагал, что Любовь – это и есть цель, к которой стремится верующий человек. Любовь – это истина. Любовь – это полная, окончательная и абсолютная истина, ибо пребывание в ней дарит абсолютный покой, а значит, утешение, в отличие от конечных истин. Последние – это истины, познаваемые человеком в пределах данных ему возможностей в материальном мире. Они не могут быть полными, то есть абсолютными, иначе они становятся вредными, занимают ум, влияют на совесть и личные убеждения.

Бог христиан – это Бог, помогающий душе понять, что Он – ее единственное благо, что только в Нем ее покой, что у нее не будет иной радости, кроме как любить Его, и вместе с тем внушающий ей ужас перед всеми препятствиями, которые ей мешают любить Его изо всех сил. Себялюбие и похоть, удерживающие душу, Ему невыносимы, и Он открывает душе, какие глубины себялюбия в ней таятся и что Он один может ее исцелить.

Вот что значит познавать Бога по-христиански. Но чтобы так Его познавать, нужно знать одновременно и свою ничтожность, и недостойность, и свою нужду в посреднике, помогающем приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Эти знания нельзя разделять, потому что одно без другого они не только бесполезны, но и вредны. Знание Бога без знания нашей ничтожности порождает гордыню; знание нашей ничтожности без Иисуса Христа порождает отчаяние. Но познание Иисуса Христа нас избавляет от гордыни и отчаяния, потому что в нем мы находим Иисуса Христа, единственного утешителя в нашей ничтожности и единственный путь из нее спастись.

Знание Бога без знания нашей ничтожности порождает гордыню. – Паскаль трактует гордыню в духе христианского учения: она является самым тяжким грехом. Это страсть, которая исходит не от Бога, а от дьявола. Это стремление человека к гордости, высокомерию. Она понимается как выражение своеволия, отдаляющего от Бога.

Мы можем знать Бога, не зная нашей ничтожности, или нашу ничтожность, не зная Бога, или даже знать и Бога, и нашу ничтожность, не зная способа освободиться от несчастий, нас удручающих. Но мы не можем знать Иисуса Христа, не зная вместе и Бога, и нашу ничтожность, ибо Он не просто Бог, но Бог – исцелитель наших несчастий.

Итак, все, кто ищет Бога без Иисуса Христа, не находят

той мудрости, которая утолила бы их жажду или была бы им действительно полезна, потому что они либо не доходят до понимания того, что́ есть Бог, либо если доходят, то это для них бесполезно, так как они пытаются создать для себя возможность общаться без Посредника с тем Богом, которого познали без Посредника, то есть впадают в атеизм и деизм – две вещи, почти одинаково мерзостные для христианской религии.

Поэтому следует стремиться только к познанию Иисуса Христа, ибо только через Него мы можем надеяться познать Бога так, чтобы нам это было полезно. Это Он – истинный Бог людей, несчастных и грешных; Он – средоточие всего и цель всего, и кто Его не знает, тот ничего не знает ни о природном миропорядке, ни о себе самом, ибо мы не только Бога познаем единственно через Иисуса Христа, но и самих себя познаем единственно через Иисуса Христа.

Без Иисуса Христа человек пребывает в пороке и ничтожестве; с Иисусом Христом человек избавляется от порока и ничтожества. В Нем все наше блаженство, наша добродетель, жизнь, мудрость, надежда, а без Него есть только пороки, несчастья, мрак и отчаяние, и мы видим только тьму и беспорядок в Божией природе и в нашей собственной. Это в точности его слова, и я подумала, что должна их привести здесь, потому что они замечательно показывают, в каком духе писался его труд, и что тот способ, каким он хотел за него приняться, был без сомнений наилучший для того, что-

бы произвести впечатление на сердца людей.

Одним из важнейших правил красноречия, которое он себе поставил, было не только не говорить ничего непонятного или неудобопонятного, но и говорить такие вещи, которые брали бы за живое его собеседников; он был уверен, что тогда хотя бы себялюбие непременно заставит задуматься над тем, что он говорит; к тому же, поскольку все на свете нас может задевать двояко – либо огорчать, либо утешать, то он полагал, что никогда не следует огорчать тем, в чем не можешь утешить, и что в должном равновесии и заключается секрет красноречия.

И потому среди своих доказательств в защиту Бога и христианской религии он желал прибегать лишь к таким, которые были бы доступны всем, для кого предназначались, и которые задевали бы человека за живое либо тем, что он находил в себе самом все, на что ему указывали, доброе ли, дурное ли, либо ясно видел, что наилучшим и разумнейшим решением для него было бы поверить, что есть Бог, Которого мы можем познать, и Посредник, Который, придя заслужить для нас эту благодать, начинает с того, что делает нас счастливыми в этой жизни через добродетели, Им внушаемые, и счастье это много больше всего, что мир нам обещает, и уверяет, что мы получим совершенное блаженство на небесах, если его заслужим на тех путях, которые Он нам указывает и на которых Сам подаст нам пример.

Посредником в христианском учении называют

Иисуса Христа. Здесь речь идет об Иисусе Христе, выступающем в качестве Посредника между Богом и людьми. В этом фрагменте содержится явное указание на 1-е Послание апостола Павла: «Ибо един Бог, един и Посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус».

Но хотя он был уверен, что все, что он имел сказать о религии, было очень ясно и убедительно, он все же сомневался, что это так для тех, кто пребывает равнодушным и кто, не находя в самих себе доводов, которые их бы убедили, пренебрегает искать их вовсе, и в особенности в Церкви, где они необыкновенно наглядны. Ибо он держал за две несомненные истины, что Бог дал видимые знамения прежде всего Церкви, чтобы Его могли познать те, кто ищет Его искренне, и в то же время сокрыл их так, чтобы Его могли увидеть только те, кто ищет Его всем сердцем.

Вот почему, беседуя с атеистами, он никогда не начинал ни со спора, ни с утверждения основ того, о чем собирался говорить, но старался прежде всего выяснить, ищут ли они истину всем сердцем, и сообразно этому вел себя с ними – либо помогая им найти то знание, которого у них не было, если они искренне его искали, либо побуждая их его искать и сделать эти поиски своим главным занятием, прежде чем наставлять их, если они желали, чтобы эти наставления пошли им на пользу. Работать дальше над своим замыслом ему помешали недуги. Ему было около тридцати четырех лет, ко-

гда он начал этим заниматься; целый год он употребил на подготовку; насколько позволяли ему другие дела, он собирал мысли об этом, приходившие ему в голову; но к концу года, то есть на тридцать пятом году жизни, который был пятым годом его затворничества, недомогания его усилились так губительно, что он не мог больше ничего делать в оставшиеся ему четыре года жизни, если можно назвать жизнью те ужасные мучения, в которых он их провел.

Нельзя думать об этом труде без острой боли от того, что самая прекрасная и, быть может, самая полезная для нынешнего времени вещь осталась незаконченной. Не посмею сказать, что мы были ее недостойны. Как бы то ни было, Богу стало угодно показать этим, если можно так выразиться, наброском, на что был способен мой брат благодаря величию ума и дарований, которые Он ему послал; и если бы этот труд мог быть закончен кем-нибудь другим, то я полагаю: такую милость можно было бы снискать только множеством новых молитв.

Это возвращение недугов у моего брата началось с зубной боли, совершенно лишившей его сна. Но как может такой ум, как у него, бодрствовать и ни о чем не думать? Вот отчето во время бессонницы, которая случалась у него очень часто и очень его изнуряла, ему однажды ночью пришли в голову кое-какие мысли о циклоиде. За первой мыслью последовала вторая, за второй – третья; наконец множество мыслей сменили одна другую. Они ему открыли как бы без его

воли решение циклоиды, удивившее его самого. Но поскольку он давно уже отказался от подобных вещей, то даже не подумал что-то записать. Все же он рассказал об этом одному человеку, с чьим мнением обязан был считаться как из уважения к его достоинствам, так и из благодарности за сердечную привязанность, которой тот его почтил; у этого человека появился замысел, имевший своей целью лишь славу Божию, и он склонил моего брата написать все, что пришло ему в голову, и отдать это напечатать.

Циклоида – кривая в геометрии, кривообразная линия, которая описывается точкой круга, катящегося по прямой линии.

Невероятно, с какой быстротой он занес это на бумагу; он писал с такой скоростью, с какой двигалась его рука, и закончил все в несколько дней. Копии он не снимал, но отдавал листки по мере готовности. В то время печатали и другой его труд, который он тоже отдавал в печать по ходу дела; так он поставлял печатникам два разных сочинения. Это не было слишком трудно для его ума, но тело его не выдерживало, и это было последнее напряжение сил, окончательно разрушившее его здоровье и вызвавшее то мучительное состояние, о котором мы говорили, когда он не мог глотать.

Но если его недомогания лишили его возможности служить другим, то они не были бесполезны для него самого, ибо он переносил их так терпеливо, что это дает основания думать – и утешаться этой мыслью, – что Богу было угодно

через это сделать его таким, каким Он хотел увидеть его перед Собой. И правда, он помышлял только об этом, и никогда не забывая двух правил, которые себе предписал – отказаться от всяких удовольствий и от всяких излишеств, – он исполнял их с еще большим рвением, словно его торопило бремя милосердия, с предчувствием, что он приближается к тому средоточию, где будет вкушать вечный покой.

Но ниоткуда нельзя лучше узнать то особое расположение духа, с каким он переносил все новые страдания в эти четыре года своей жизни, как из удивительной «Молитвы», которую мы от него узнали и которую он написал в то время, «об употреблении болезней во благо». Не может быть сомнений, что эти мысли жили в его сердце, потому что они появились в его уме и он их записал только после того, как воплотил их на деле. Мы можем даже заверить, что были тому свидетелями и что если никто не мог лучше написать об употреблении болезней во благо, никто не мог и осуществить такие мысли с большей поучительностью для всех, кто это видел.

Под «Молитвой» понимается оригинальный религиозный труд мыслителя – «Мемориал». Это произведение было зашито Паскалем в подкладку и найдено после его смерти. По содержанию «Мемориал» похож на текст молитвы, где в каждой строчке звучит чувство истинного единения с Богом философа, обретшего истину во Христе и Евангелии, несмотря на свою преданность науке.

За несколько лет до того он написал письмо по случаю смерти моего отца, из которого видно его мнение о том, что христианин должен смотреть на земную жизнь как на жертвоприношение, а разные приключаящиеся с нами события должны нас задевать лишь в той мере, в какой они прерывают или довершают это жертвоприношение. Вот почему предсмертное состояние, в каком он был обречен пребывать в последние годы его жизни, стало средством исполнить то жертвоприношение, которое должно было совершиться через его смерть. Он принимал это мучительное состояние с радостью, и мы видели всякий день, как он благословлял за него Бога со всей силой благодарности. Когда он говорил с нами о смерти, которую полагал ближе, чем она впоследствии оказалась, то всегда говорил и об Иисусе Христе, что смерть без Иисуса Христа ужасна, а в Иисусе Христе сладостна, свята, радостна для верующего; что поистине, если б мы были невинны, страх смерти был бы разумен, потому что это противно природному порядку, чтобы каралась невинность; что было бы справедливо ее ненавидеть, если б она могла разлучить святую душу со святым телом. Но что теперь справедливо ее любить, так как она разлучает святую душу с нечистым телом; что было бы справедливо ее ненавидеть, если б она нарушала мир между душой и телом, но не сейчас, когда она улаживает непримиримую ссору между ними, лишает тело злосчастной способности грешить и ставит душу перед блаженной необходимостью делать только одно – хвалить Бога

и пребывать с Ним в вечном союзе. Что не следует, однако, осуждать любовь к жизни, внушенную нам природой, потому что мы получили ее от Самого Бога; что надо ее употреблять на ту жизнь, для которой Бог нам ее и дал, на жизнь чистую и блаженную, а не на нечто противоположное. Что Иисус Христос любил свою жизнь, потому что она была чиста, что Он страшился смерти, потому что в Нем она грозила телу, угодному Богу. Но что поскольку это не так с нашей жизнью, которая есть жизнь в грехе, то мы должны склонять себя ненавидеть эту жизнь, противоположную Христовой, и любить смерть и не страшиться ее, ведь она обрывает нашу жизнь, исполненную греха и мучений, и тем дарит нам свободу вместе с Иисусом Христом созерцать Бога, поклоняться Ему, благословлять и любить Его вечно и безоглядно.

По этой же причине он так любил покаяние; он говорил, что надо наказывать грешное тело, и наказывать его беспощадно непрерывным покаянием, потому что иначе оно бунтует против разума и противится всем спасительным мыслям. Но поскольку у нас не хватает храбрости наказывать самих себя, то мы должны полагать себя весьма обязанными Богу, когда Ему бывает угодно это сделать; вот почему он постоянно благословлял ниспосланные ему страдания, которые считал как бы огнем, выжигающим понемногу его грехи в каждодневном жертвоприношении и тем приготавливающим его, пока Богу не будет угодно послать ему смерть, в которой будет принесена жертва совершенная.

В христианстве под покаянием понимается глубокое раскаяние человека в своих грехах, оно является важным этапом к спасению души посредством твердого желания ее очищения и преобразования для единения с Богом. Поэтому покаяние связывается в этом фрагменте со спасительными мыслями: изменение с целью отречения от греха и возвращения к Богу, а значит, на путь спасения.

Он всегда так любил бедность, что неизменно старался не расставаться с ней; и когда он собирался что-то предпринять или когда у него спрашивали совета, то первая мысль, приходившая из сердца к рассудку, была о том, можно ли при этом пребывать в бедности. Но к концу жизни любовь его к этой добродетели столь возросла, что я не могла доставить ему большего удовольствия, чем побеседовать с ним о ней и послушать то, что он всегда был готов нам об этом сказать.

Он никогда никому не отказывал в милостыне, хотя сам был небогат, и расходы, которых требовали его недуги, превышали его доходы. Он всегда давал милостыню, отказывая себе в необходимом. Но когда ему на это указывали, в особенности когда его траты на милостыню бывали очень велики, он огорчился и говорил нам: «Я заметил, что как бы ни был человек беден, после его смерти всегда что-то остается». Порой он заходил так далеко, что ему приходилось занимать на жизнь и брать в долг с процентами, чтобы иметь возможность раздавать бедным все, что у него было; после этого он

ни за что не хотел прибегать к помощи друзей, потому что он взял себе за правило никогда не считать чужие нужды обременительными для себя, но всегда остерегаться обременять своими нуждами других.

Как только пошло дело с каретами, он мне сказал, что хочет получить тысячу ливров вперед в счет его доли, чтобы послать беднякам города Блуа и окрестностей, которые терпели тогда большую нужду. А когда я сказала, что дело еще не наладилось и нужно бы подождать еще год, он мне ответил, что не видит в том большой беды, потому что, если его компаньоны понесут убытки, он им возместит из своих денег и что он не может ждать до следующего года, потому что нужда слишком уж неотложна. Но в один день ничего не делается, и беднякам из Блуа помогли другие, а мой брат в том участвовал только своей доброй волей; это подтверждает истинность того, что он нам столько раз говорил, – что деньги ему нужны лишь для того, чтобы помогать бедным; ведь как только ему казалось, что он может их получить, он начинал распределять их заранее, даже не будучи еще в них уверен.

Не следует удивляться, что тот, кто так хорошо познал Иисуса Христа, так любил бедных и что ученик отдавал даже необходимое, ибо он хранил в сердце своем пример Учителя, Который отдал Себя Самого. Но правило, которое он себе поставил, – отказаться от всяких излишеств – стало у него основанием великой любви к бедности. То, на что он обращал особое внимание ввиду этого правила, – это всеобщее

желание превосходства во всем, которое особенно пробуждает в нас жажду в обращении с мирскими вещами всегда иметь наилучшие из них, самые красивые и самые удобные. Вот почему он не выносил, когда звали самых искусных рабочих, но говорил нам, что искать надо всегда самых бедных и самых порядочных и отказаться от этой особой искусности, которая никогда не бывает необходима; он также весьма порицал тех, кто так заботливо окружает себя всяческими удобствами, – чтобы все было под рукой, чтобы в комнате было все, что нужно, и прочее в таком роде, что люди делают без всяких угрызений; ибо, основываясь на самой сути духа бедности, который должен жить во всех христианах, он полагал, что все ему противоречащее, даже если оно узаконено мирскими обычаями и приличиями, – это непременно излишество, потому что мы от этого отказались при крещении. Он воскликнул однажды: «Будь я нищ сердцем так же, как и духом, я был бы счастлив; я необычайно верю в дух бедности и в то, что следование этой добродетели есть великое средство для спасения души».

Все эти слова заставляли нас заглянуть себе в душу и порой побуждали нас искать каких-то общих правил, которые годились бы на все случаи, и мы делали ему такие предложения. Но он этого не одобрял и говорил нам, что мы призваны не к общему, но к частному, и что, по его мнению, самый угодный Богу способ служить нищим – это служить нищим по-нищенски, то есть в меру своих сил, не предаваясь

великим замыслом, родственным тому превосходству, жажду которого он обличал во всем: и в мыслях, и в делах. Он не порицал учреждения крупных больниц, но говорил, что такие великие предприятия должны быть уделом немногих людей, которых Бог к тому предназначил и которых Он ведет невидимой рукой, но что это не призвание всякого человека, в отличие от повседневной помощи каждому бедняку по отдельности.

Он очень желал, чтобы я посвятила себя постоянному служению им, чтобы я наложила его на себя в наказание за свою жизнь. Он настойчиво убеждал меня и самой поступать так, и детям это внушить. А когда я говорила, что боюсь, как бы это не помешало мне заботиться о домашних, он отвечал, что мне недостает только доброй воли и что так как есть несколько степеней в следовании этой добродетели, то всегда можно найти для нее время, не поступаясь своими семейными обязанностями, что само милосердие внушает его дух и надо только ему повиноваться. Он говорил, что не нужно никакого особого знамения, чтобы узнать, призван человек или нет, что это общее призвание для всех христиан; коль скоро Иисус Христос по таким вещам будет судить мир, то достаточно и обычных нужд, чтобы мы старались их удовлетворить всеми средствами, которые в нашей власти; и что, поскольку из Евангелия видно, что единое небрежение этим долгом может стать причиной вечной гибели, одна мысль об этом должна нас подвигать совлечь с себя все и стократ от-

дать самих себя, если есть у нас вера. Еще он говорил нередко, что посещать бедных необыкновенно полезно, потому что когда постоянно видишь перед собой удручающую их нищету и то, что они часто не имеют самого необходимого, то надо быть очень уж черствым, чтобы не отказаться добровольно от бесполезных удобств и излишних украшений. Вот лишь часть наставлений, которые он нам давал, чтобы возбудить в нас любовь к бедности, занимавшую в его сердце столь важное место.

Евангелие (от *греч.* «благая весть») – весть о спасении во Христе и проповедь этой вести. Также под Евангелием в христианстве понимается одна из книг, повествующая о жизни, смерти и Воскресении Спасителя. В этом фрагменте речь идет о понимании в первом значении: как благой вести, в которой открывается истинность веры в служении Христу и людям. Паскаль призывал осуществлять милосердие, особенно к беднякам, потому что именно оно является проявлением настоящей религиозности.

Не меньшим было и его целомудрие, ибо он так почитал эту добродетель, что постоянно был настороже, стараясь не допустить, чтобы она хоть как-то была оскорблена, в нем ли самом или в других. Трудно поверить, как он был строг в таких вещах. Поначалу это даже приводило меня в замешательство, потому что он осуждал едва ли не все речи, которые говорятся в свете и считаются невиннейшими. Если, к

примеру, мне случалось сказать, что я встретила красивую женщину, он корил меня за это и говорил, что я не должна была произносить таких слов при лакеях и молодых людях – ведь я не знаю, какие мысли это может в них возбудить. Смею сказать, что он не мог даже выносить тех ласк, которыми дарили меня мои дети. Он утверждал, что это может им только повредить, что нежность можно выразить и тысячей других способов. С этим его советом мне было труднее согласиться, но впоследствии я поняла, что он был в этом прав так же, как и во всем остальном, и узнала на опыте, что хорошо сделала, послушавшись его.

Все это происходило в домашнем кругу; но месяца за три до его смерти Богу было угодно предоставить ему случай проявить и вне дома ту ревностную заботу о целомудрии, которую Он ему внушил. Однажды, возвращаясь из Сен-Сюльпис, где он присутствовал на мессе, он наткнулся на девушку лет пятнадцати, попросившую у него милостыню. Он сразу же подумал о той опасности, которой она подвергалась, и узнав от нее, что она из деревни, что отец ее умер, что в тот самый день мать ее свезли в Отель-Дье, так что эта бедная девушка осталась одна и не знала, что делать, он подумал, что это Бог ее послал ему, и тут же отвел ее в семинарию, где поручил ее заботам доброго священника, которому он дал денег и попросил найти для нее какое-нибудь место, где она была бы в безопасности. И чтобы помочь ему в этих хлопотах, он сказал, что завтра же пошлет к нему женщину, кото-

рая купит для этой девушки одежду и все необходимое. И действительно, он послал женщину, которая так славно потрудилась с этим священником, что вскоре они приискали ей хорошее место. Священник этот не знал имени моего брата и сначала не догадался его спросить, так он был занят заботами об этой девушке. Но когда она была пристроена, он смог обдумать этот поступок и нашел его столь прекрасным, что пожелал узнать имя того, кто его совершил. Он справился у той женщины, но она сказала, что ей велено его скрывать. «Молю вас, добейтесь разрешения его открыть; обещаю, что не буду говорить об этом при его жизни. Но если Богу будет угодно, чтобы он умер прежде меня, для меня будет большим утешением рассказать об этом поступке, ибо я нахожу его столь прекрасным и достойным известности, что не смогу допустить, чтобы он пребывал в забвении». Но он ничего не добился и так увидел, что этот человек, пожелавший остаться неизвестным, был столь же скромн, сколь милосерден, и что если он так ревностно старался сберечь чужое целомудрие, то не менее ревностно он оберегал собственное смирение.

Сен-Сюльпис – одна из самых больших церквей в Париже. Считается второй по величине после собора Парижской Богоматери.

Месса – богослужение в католической церкви, в ходе которого совершается Евхаристия – одно из церковных Таинств.

Отель-Дье («Парижский Божий приют») – больница, центральное лечебное заведение в столице Франции.

Он питал особенную нежность к своим друзьям и к тем, кого полагал посвятившими себя Богу; можно сказать, что если никто не был более его достоин любви, то никто и не умел любить и выказывать любовь лучше, чем он. Но нежность его проистекала не только из склада его души; хотя сердце его всегда было готово сострадать всем нуждам его друзей, сострадание его всегда согласовалось с правилами христианства, которые предоставляли ему разум и вера; вот почему его нежность никогда не переходила в глубокую привязанность и не приносила никаких утех.

Никого он не любил больше, чем мою сестру, – и по справедливости. Он часто с ней виделся; он говорил с ней обо всем совершенно откровенно; во всем без исключения она давала ему то, чего он хотел, ибо их мнения совпадали настолько, что они во всем были согласны; два их сердца определенно составляли одно, и они находили друг в друге утешение, которое могут понять лишь те, кому выпадало подобное счастье и кому известно, что значит любить и быть любимым с таким взаимным доверием, без всякого страха раздоров и при полном согласии.

И однако по смерти моей сестры, случившейся за десять месяцев до его кончины, когда он узнал эту новость, то сказал только одно: «Да пошлет нам Бог милость умереть столь же христианской смертью!» И впоследствии он говорил нам

лишь о милостях, которые посылал ей Бог при жизни, и об обстоятельствах и времени ее смерти; и возносясь сердцем к небесам, где, он надеялся, она пребывала в блаженстве, он говорил нам с каким-то восторгом: «Блаженны умирающие, и умирающие во Господе». А когда он видел мою скорбь (я действительно очень горевала из-за этой утраты), то огорчался и говорил, что это нехорошо и что не следует испытывать такие чувства по смерти праведников, но что, напротив, мы должны возносить Богу хвалы за то, что Он так скоро вознаградил ту скромную службу, которую она для Него несла.

Так он показывал, что любил без привязанности, и мы имели тому еще одно доказательство. Когда умер мой отец, несомненно вызывавший у него все чувства, которые благодарный сын обязан питать к столь любящему отцу, из письма, написанного им по случаю отцовской кончины, видно, что если природа и была задета, то разум быстро взял верх, и что, взирая на это событие в лучах веры, душа его умилялась, но не для того, чтобы оплакивать отца, утраченного на земле, но чтобы созерцать его в Иисусе Христе, в Котором он обретал его на небесах.

Он различал два вида любви, чувствительную и разумную, полагая, что первая не слишком полезна в мирской жизни. Он говорил также, что достоинства тут ни при чем и что порядочные люди должны ценить лишь разумную любовь, которая, по его мнению, состоит в том, чтобы прини-

мать участие во всем, что случается с нашими друзьями, всеми способами, какими разум велит нам это делать, жертвуя своим именем, удобствами, свободой и самой жизнью, если повод того достоин, и достоин, несомненно, если мы этим служим другу во имя Бога, Который должен быть единственным предметом любви для всех христиан.

«Черство то сердце, – говорил он, – которое знает нужды ближнего и противится долгу, побуждающему принять в них участие; и наоборот, нежное сердце – то, в которое все нужды ближнего проникают легко, так сказать, через все чувства, которые разум велит питать друг к другу в подобных обстоятельствах; которое радуется, когда нужно радоваться, и огорчается, когда нужно огорчаться». Но он прибавлял, что любовь может быть совершенна лишь тогда, когда разум просвещен верой и предписывает нам действовать по правилам милосердия. Вот почему он не видел большой разницы между любовью и милосердием, равно как и между милосердием и дружбой. Он думал только, что поскольку дружба предполагает связь более тесную, а эта связь – внимание более пристальное, то мы менее черствы к нуждам наших друзей, потому что нужды эти нам становятся быстрее известны и нам легче в них поверить.

Вот как он понимал любовь, и сам он питал такую, которая не сочеталась ни с привязанностью, ни с утехами; ведь коль скоро христианская любовь не может иметь иного предмета, кроме Бога, то она не может ни привязываться к кому-либо,

кроме Него, ни предаваться утехам, ибо знает, что нельзя терять времени и что Бог, Который все видит и судит, велит нам дать отчет во всем, что случилось в нашей жизни и что не было еще одним шагом по единственно дозволенному пути — по пути к совершенству.

Но он не только сам не привязывался к другим, он не хотел также, чтобы другие привязывались к нему. Я не говорю о привязанностях преступных и опасных, это вещь грубая и для всех очевидная; но я говорю о самой невинной дружбе, чье веселье составляет обычно всю сладость человеческого общества. Это было одно из тех правил, которые он соблюдал особенно строго, чтобы не поддаваться подобным чувствам и не давать им воли, как только он замечал малейшие их признаки; а так как я была весьма далека от такого совершенства и полагала, что не могу слишком много заботиться о таком брате, как он, составлявшем счастье семьи, то старалась не упустить ничего, чем могла бы ему послужить, и выражала ему свою любовь как умела. Наконец я поняла, что была к нему привязана, и ставила себе в заслугу, что справлялась со всеми заботами, которые почитала своим долгом; но он судил иначе, и так как мне казалось, что он изъясляет недостаточно чувств в ответ на мои, то меня это огорчало, и время от времени я ездила изливать душу сестре и чуть ли не жаловалась ей. Она утешала меня как могла, напоминая о тех случаях, когда я нуждалась в брате и он помогал мне с таким рвением и с такой нежностью, что у меня не должно

было остаться никаких оснований сомневаться в его любви. Но тайна его сдержанного обращения со мной открылась мне полностью только в день его смерти; один человек, замечательный величием ума и благочестием, с которым он много беседовал о добродетельной жизни, сказал мне, что он всегда представлял ему основным правилом своего благочестия – не позволять, чтобы его любили, привязываясь, что это грех, к которому люди недостаточно бдительны, но который имеет тяжкие последствия и которого следует тем более страшиться, что он часто представляется не столь опасным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.